

Кислицына Н.Н. ПРОБЛЕМАТИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется возросшим интересом к проблемам языковой картины мира. Достаточно просмотреть содержание ведущих научных филологических изданий (Мовознавство, Вестник МГУ и др.), опубликованных за последнее время на территории многих стран бывшего СНГ, чтобы убедиться в разнообразии научных изысканий в данной области. Наша статья посвящена описанию наиболее популярных направлений исследования общих и частных вопросов, связанных с понятием языковой картины мира (ЯКМ), в освещении польских лингвистов.

Целью данной работы является критический анализ основных тенденций современного польского языкознания в аспекте ЯКМ. Актуальность статьи определяется необходимостью поиска новых направлений исследования ЯКМ и синхронной интеграции украинского языкознания, тематически связанного с данной проблематикой, в общеевропейскую гуманитарную сферу.

Следует отметить, что в последнее время популярность исследований именно в области языкознания значительно возросла в связи с постепенным изменением характера мировой общественной формации от промышленного к информационному. Роль языка в информационном пространстве трудно переоценить, так как он фактически является орудием информации, а, учитывая многочисленность сфер, где информация не только используется как средство производства, но и является конечным продуктом, приносящим значительную прибыль (пиар-кампании, реклама, масс-медиа), проведение лингвистических исследований в смежных областях является первоочередным социальным заказом.

Как подчеркивает Ежи Бартминский, "... sprawcza funkcja języka może prowadzić do zacierania prawdziwego obrazu rzeczywistości i do kreowania fikcyjnych bytów i problemów. ... Nie bez powodu obserwujemy w dzisiejszej Polsce – i ogólniej: w naszym rejonie świata – renesans zainteresowań hipotezą Sapira-Whorfa, głoszącą dominację języka nad naszym myśleniem i postępowaniem" – созидательная функция языка влечет за собой "стирание" реальной картины действительности и создание вымышленных миров и проблем. ... Не случайно в сегодняшней Польше в частности и в нашем регионе в целом наблюдается возрождение интереса к гипотезе Сепира-Уорфа, гласящей о господстве языка над нашим сознанием и поведением" (здесь и далее перевод автора) [2, с. 7].

Исследования фрагментов ЯКМ, отражающих концептуальную картину мира, "выражающих и эксплицирующих религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественные картины" [1, с. 32] позволяет выявить специфику восприятия, категоризации и оценки окружающего мира человеком.

В польском языкознании последних лет наблюдается следующая тематика исследования ЯКМ.

Особое внимание уделяется когнитивной концепции значения, в которой рассматриваются вопросы отношения пар *символ-понятие* и *реальность-понятие* (реальный мир и мир понятий). В результате у Henryka Kardela лингвистический анализ значения трансформируется в анализ когнитивных структур, а семантическое описание сближается с энциклопедическим. Получают свое место в лингвистическом исследовании и до сих пор не затрагиваемые онтологические категории: вещи, события, время, место, направление, образ действия, количество и т.д. В своих исследованиях автор исходит из теоретических предпосылок Е. Rosch, R Jackendoff, G. Lakoff, конкретизирует их и предлагает оригинальные методы проведения анализа отношений между вещами и понятиями.

В работе Renaty Grzegorzczukowej звучит предупреждение о возможных негативных последствиях придерживания неогумбольдтианских взглядов при рассмотрении триадического отношения *человек – язык – мир*. В статье предлагается следующая трактовка ЯКМ: «struktura pojęciowa utrwalona w systemie danego języka, a więc w jego właściwościach gramatycznych i leksykalnych realizującą się jak wszystko w języku, za pomocą tekstów (wypowiedzi)» – ЯКМ – это понятийная структура, закрепленная в системе данного языка, а, следовательно, в его грамматических и лексических свойствах, реализующихся, как все в языке, с помощью текстов (высказываний). Частью ЯКМ R. Grzegorzczukowa предлагает считать информацию, содержащуюся в так называемых ассоциативных дериватах, например, *paperówka* [pape`ruvka] (сорт яблок), извлекаемую посредством этимологического анализа, а так же ассоциативные свойства, закрепленные в метафорах, дериватах и фразеологизмах.

Jolanta Maśkiewicz сосредотачивает внимание на связи, существующей между ЯКМ и категоризацией мира. Данная связь, по мнению автора, редуцирует сложность окружающего мира, претворяя экспериментальный (опытный) хаос в понятийный космос и, упорядочивая, – интерпретирует. Категоризация сводится не столько к открытию объективно существующих сходств и подобий, сколько к созданию классов и типов в соответствии с интересами человека. Категоризация влияет на картину (модель) мира посредством: 1) определения границ деления мира на сегменты; 2) установления внутренней структуры категории, 3) уровня открытости и подверженности изменениям, 4) способа единения категорий в целое. ЯКМ, будучи идеализированной и субъективной моделью действительности, выполняет интерпретирующую и регулирующую функции.

Hanna Popowska-Taborska рассматривает проблематику этимологии этнических наименований и исследует номинативные процессы, происходящие в системе славянских наименований, используемых для самоидентификации группы. В частности, такие наименования, в которых содержится в качестве основной (ба-

зовой) социальная оппозиция «свой – чужой». Данный вопрос связан с категорией значения. По мнению автора, автоидентификация славянских общественных групп происходит с учетом следующих признаков: 1) соотношение с понятием семья (*Serb.* 'rodak'), 2) соотношение с понятием более широким, чем семья (*Chorvat.* 'pravdziwy szčlowiek', 3) возможности взаимопонимания благодаря общению на близких языках (*Pl.* 'słowianin').

Ryszard Tokarski, исходя из положения о том, что язык не только упорядочивает мир при помощи таксономии, не только обозначает объекты, но также с помощью воздействия культурных факторов, таких как верования, убеждения и оценка, придает оценочную коннотацию данным объектам. Автор рассматривает «семантическую этимологизацию» – около 300 выражений, которые функционируют в современном польском языке, обозначая «człowieka małej wartości» – маленького человека. Исследование вопроса о том, откуда язык черпает материал для создания уменьшительно-обесценивающих наименований, какие коннотации играют решающую роль при выборе использования той, а не иной лексики, позволило сделать автору следующие выводы: положительное оценочное значение чаще всего развивается у таких групп слов, которые обозначают «наше», «польское», «человеческое», «европейское», «христианское» и «рыцарское»; то, что является «чужим», «нечеловеческим» (звериным), «неевропейским», «нехристианским», «не мужским» (женским), служит основой для образования отрицательного оценочного значения.

Anna Pajdzińska представляет способы определения эмоций с помощью фразеологизмов, называющих чувства, части тела и положение вещей. Выявляя семантические механизмы сочетаемости слов в высказываниях, автор пытается определить закрепившийся в языке фрагмент ЯКМ со значением "чувства". Анализ сочетаемости слов в высказываниях позволил выявить следующее: 1) чувства изменяются во времени, начинаются и заканчиваются, 2) не зависят от воли человека (просыпаются, охватывают человека), 3) имеют разную интенсивность, 4) представляют для человека ценность. Основным "местонахождением" чувств является сердце, режет душа, утроба, нервы. "Зеркалом" чувств являются глаза и лицо. Речь о чувствах часто является метафоричной.

В связи с подготовкой *Словаря языковых стереотипов польского языка* и выработанной для него методологией, ряд исследований объединяется одной концепцией. В конечном итоге, *Словарь* ставит своей целью реконструировать польскую языковую и культурную картину мира. Данный опыт опирается, прежде всего, на языковые данные, на тексты поверий и тексты, предписывающие то или иное поведение.

Jerzy Bartmiński, развивая когнитивную концепцию, выделяет два важных понятия – *точка зрения* и *перспектива*. Призывая, что языковая картина мира является не отражением, а интерпретацией действительности, совершаемой говорящими и заключенной в грамматике и словаре, автор предлагает ввести два соотношенных друг с другом культурно-языковых понятия для описания ЯКМ: субъективной "точки зрения" и объективной "перспективы" (объединение аспектов, составляющих когнитивную структуру предмета). Точка зрения играет решающую роль при категоризации и выборе определяющих характеристик предмета и содержит в себе определенную когнитивную структуру предмета и его языковую интерпретацию. Например, толкование слова *blawatek* (василек), интерпретируемое с одной точки зрения, как цветок, должно учитывать его внешний вид, запах, цвет и т.д., проинтерпретированное с другой точки зрения, как сорняк, должно учитывать его внешний вид и способ идентификации, вредность, способ уничтожения и т.д. На примере наименований глаза автор различает следующие точки зрения: физиологическую, функциональную и общественно-культурную.

Małgorzata Mazurkiewicz-Brzozowska, используя понятие интерпретационной перспективы и соответствующий ей системы соотношения порядка дефиниционных предложений, показывает как системно-языковое понятие *труда* (деятельность человека, направленная на производство определенных благ) распадается на уровни языковой нормы под влиянием разных ценностных систем на идеологические варианты, разные способы рассмотрения труда; так вариант личностный сосредотачивает внимание на исполнителе, его правах, цели труда, его атрибутах и смысле, а вариант материалистический – на организации труда, его параметрах, ценности и результате.

Stanisława Niebrzegowska использует подобную процедуру для звезд, применяя однако более разнообразную документальную базу. Реконструируя образ звезд в представлении людей, автор опирается на данные фольклорных текстов и народных поверий. Компоненты, представляющие основу стереотипного представления о звездах и созвездиях, Stanisława Niebrzegowska организует в определенные аспектные конфигурации, такие как внешний вид, происхождение, свойства, исчисляемость, время, место и др. Данные конфигурации определяют когнитивные схемы определений для звезд.

Подобным образом Jan Adamowski анализирует разнообразный языковой материал, касающийся *дола* (*dół* – яма, низ, дол), и размышляет, как на его основе реконструировать языковой образ предмета, понимаемого как "zespół sądów utrwalonych w języku" – "ряд суждений, закрепленных в языке". Используя методологию, предложенную для составления вышеупомянутого *Słownika ludowych stereotypów językowych* – *Словаря народных языковых стереотипов*, автор разработывает две семантические категории, а именно: происхождения и локативности, важные для характеристики описываемого предмета, с последующим выделением различий в их сфере. С точки зрения происхождения *дол* может быть "космическим" или "человеческим", последний, в свою очередь, распадается (в соответствии с целью) на различные (более конкретные) типы: *jama* (*jama, dół* – яма), *grób* (*grób* – гроб, *mogiła, dół*), *piwnica* – погреб, *podwał* (*loch* – подвал, погреб, подземелье, темница, *korpińiec*), *kopalnia* (*gruba*) и т.д., которые представляют собой "функциональную конкретизацию значения". Автор формулирует постулаты к словарю стереотипов, выдвигая в качестве исключительного требования создание особых заглавных слов, соответствующих закрепленным особым наименованиям. Наименование предмета, подчеркивает автор, а не только знание о предмете и его образ

влияет на содержание коннотации стереотипа.

Ewa Masłowska реконструирует народный стереотип реки, беря за основу записи поверий, обрядов, клишированных текстов (поговорок, пословиц). Автор обращает внимание на такие характеристики предмета, которые выходят за рамки чисто категориальных черт, но в то же время являются закрепленными, хотя бы только на уровне текста. Например, единение реки с определенными демонами (сверхъестественными существами), либо интерпретация реки как фона для определенных событий (смерть, любовь и т.д.).

Jolanta Maćkiewicz предлагает свое определение ЯКМ – "sposób, w jaki wniesiona zostaje do języka doświadczona, przeżyta i wyobrażona przez wspólnotę komunikatywną rzeczywistość" – воплощенная в языковые формы коммуникативная реальность, пережитая сообществом и сложившаяся в понятие(я) или представление(я). Jolanta Maćkiewicz подчеркивает условность ЯКМ, ее консерватизм и разнородность способов языкового воплощения. Теоретические выкладки автор демонстрирует на материале польского языка, тематически связанном со словом *wuzpra* (остров).

Wanda Budziszewska пытается проинтерпретировать наивные представления о мире, следуя по пути этимологических исследований и традиции связывания вещей и их названий. В детальном исследовании семантической мотивации двух славянских наименований *księżyc* – месяца, автор дополнительными аргументами поддерживает гипотезы: во-первых, К. Moszyńskiego, о том, что *księżyc* – это первоначальное наименование молодого месяца, изначально используемое только в магических заклинаниях, в которых и в наше время в польском, румынском, немецком фольклоре месяц рассматривается как королевский атрибут, подобие короны; во-вторых, А. Brücknera о том, что в качестве культового названия старого месяца – *luny* (луны), было известно название древнерусского божества Хорса, имеющее этимологическую связь с польскими словами: *wycharsty*, '*wynędzniały*' – истощенный, исхудалый, и *charśny* – худой.

Anna Dąbrowska поднимает проблему формирования ЯКМ с помощью таких языковых средств, как эвфемизм и какофемизм. Эвфемизм – это реакция на запрет использования "точного слова", запрет называния вещи по имени. В результате запрета возникает необходимость поиска эквивалента. Наиболее типичными для современного общества являются следующие причины функционирования эвфемизмов: 1) частичная дооценка определенных профессий с низким общественным престижем (*charlady* вместо *charwoman* (Engl.), *sprzątająca* вместо *sprzątacza* (Pl.)), 2) следование традициям, 3) сокрытие правды, не выгодной по политическим или идеологическим мотивам. Областью, в которой такие средства используются особенно часто, являются официальные сведения о военных действиях, о повышении цен и т.п.

Функцию преднамеренного, целенаправленного формирования картины действительности совместно с эвфемизмами выполняют какофемизмы, обесценивающие действительность (*критикан* вместо *критик*).

Jolanta Tambor исследует известный рассказ Г. Орвелла "Nineteen eighty four", в котором формулируются и демонстрируются определенные механизмы влияния языка на постижение мира человеком, а также типичные для тоталитарного государства способы манипуляции обществом с помощью языка. К последним относятся, например, элиминирование нежелательных слов и их значений, вездесущность слов с позитивной коннотацией, создание новых слов со специфической формой, осмеяние и пробуждение ненависти, привыкание к нонсенсам, неопределенность значений отдельных выражений. Свои критические замечания автор формулирует в Комментариях к данной повести.

К литературно-языковым экспериментам обращается Krzysztof Korzyk. Автор рассматривает философские гротески Stefana Themersona, которые представляют собой своеобразный курс на тему ценности классических языковых дефиниций, аналогичных дефинициям, подаваемым в *Słowniku ludowych stereotypów językowych* под редакцией W. Doroszewskiego. Выполняя требование объективности и научности, автор обнадеживает возможностью воссоздания правды о реальной действительности, не являющейся культурно обоснованной. S. Themerson демонстрирует резкий контраст между словарными (научными) дефинициями и обычными дефинициями, принадлежащими ЯКМ. Утверждая, что реальную действительность можно описать с помощью множества разных языков, в соответствии с поставленной целью, Krzysztof Korzyk отмечает, что гротески польского автора, пишущего по-английски, подтверждают тезис о том, что попытка адекватного объятия реальной действительности рациональной системой мышления закончится фиаско, так как реальная действительность слишком богата, тогда как язык – любой язык – слишком конвенционален.

Janusz Anusiewicz рассматривает подходы к изучению ЯКМ в трудах иностранных исследователей. В работе отмечается, что изучение вопросов, касающихся ЯКМ, начинается в период так называемого Европейского Просвещения в основном в Италии и Франции. В Германии данной проблематикой заинтересовались в 18-19 веках такие лингвисты как W. Humboldt, J.G. Hamann, J.G. Herder, L. Weisgerber, H. Girrer. Разработке данной тематики посвятили свои работы P. Zinsli (1946), F. Tschirch (1954), P. Hartmann (1957), G. Kandler (1959), H. Wein (1965), E. Albrecht (1972), G. Nickel (1979). Независимо от Гумбольдта и Вайсгербера соответствующая концепция была разработана на почве антропологической лингвистики в США Э. Сепиром и Б. Уорфом.

Анализ направлений исследования ЯКМ польскими лингвистами показал, что можно говорить о новом этапе проведения работ в этой области. Этапе более систематичных и упорядоченных изысканий в области грамматики, лексики, семантики и прагматики. Особое внимание уделяется когнитивной концепции значения, связи, существующей между ЯКМ и категоризацией мира, особенностям номинативных процессов, специфике формирования оценочных коннотаций, выявлению закономерностей семантических механизмов сочетаемости слов в высказываниях, реконструкции стереотипов и семантической мотивации. Особого

внимания заслуживает разработка *Словаря языковых стереотипов польского языка*, ставящего своей целью реконструкцию польской языковой и культурной картины мира.

Рассмотрение проблем, связанных с ЯКМ, проводится как в контексте изучения отдельных национальных культур, так и в контексте изучения культур в сопоставительном аспекте. Исследования ЯКМ, отдельных ее фрагментов направлены на выявление скрытых смыслов слов, каждое из которых обладает уникальной смысловой структурой, сложившейся на протяжении длительного использования языковой единицы носителями конкретного естественного языка. Таким образом, в качестве одной общей генеральной цели изучения ЯКМ можно выделить не только постижение лингвистических особенностей и закономерностей, но и раскрытие специфики развития человеческой культуры и цивилизации.

Источники и литература

1. Солганик Г.Я. О новых аспектах изучения СМИ. // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. – 2000. – №3. – С. 32.
2. Językowy obraz świata. Red. J. Bartmiński. – Wydawnictwo Uniwersytetu M.Curie-Skłodowskiej. – Lublin. – 1999. – 297s.

Перепечкина С.Е.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ (с позиций социолингвистики)

Начало экспериментальной социолингвистики, опирающейся в своих исследованиях на эмпирический материал, восходит к 60-м годам XX в., прежде всего, к трудам М.В. Панова в России и У. Лабова в США, которые независимо друг от друга обратились к эксперименту как способу доказательства определенных теоретических построений, в данном случае – о зависимости языка от социальных факторов. Экспериментатор ставит перед собой задачу получить представительные и объективные данные о речевом поведении людей, принадлежащих к различным социальным группам одного языкового сообщества, для чего, безусловно, потребуется комплексный подход (его разработкой занимались Л.П. Крысин, А.Д. Швейцер, У. Аммон, У. Голлмах, С.М. Эрвин-Трипп и мн. др.). В области социофонетики методика проведения экспериментальных исследований получила свое интенсивное развитие и в Украине (работы Прокоповой Л.И. [1], Петренко А.Д. [2; 3], Стериополо Е.И. [4], Исаева Э.Ш. [5], Петренко Д.А. [6] и др.). Тем не менее, этот предмет продолжает вызывать дискуссии, в частности, о возможностях аудитивного метода, подборе и количестве речевых ситуаций, релевантных для дифференциации фоностилей и нек. др., поэтому **целью** статьи стал анализ основных принципов проведения социофонетического исследования вариативности произношения и теоретическое обоснование эффективности применения его отдельных приемов.

В практике изучения социально обусловленной языковой вариативности различаются две группы методов, специфических для социофонетики как научной дисциплины:

- 1) методы сбора материала, предполагающие, главным образом, фиксацию образцов речи на магнитоносители приемами «скрытой» и «открытой» записи;
- 2) методы анализа материала, предполагающие обработку и оценку достоверности полученных данных и их содержательную (социолингвистическую) интерпретацию.

Первую группу составляют: а) наблюдение (непосредственное/«внешнее» и «включенное», когда исследователь становится членом наблюдаемой им группы, при этом его отождествление должно происходить по максимуму языковых, поведенческих и других признаков); б) анкетирование (с целью получить наиболее полную информацию о социальной и территориальной принадлежности говорящих, условиях их социализации, владении и степени использования диалекта в различных коммуникативных ситуациях); в) интервьюирование («полустандартное» интервью [7] с применением заранее составленных вопросов, форма и порядок следования которых может меняться в зависимости от обстоятельств, содержание же сохраняется); г) тестирование («тесты самооценки» и «тесты на субъективную реакцию» [8, с.125], которые свидетельствуют об оценке говорящего собственного произношения, его отношении к ряду фонетических форм, о престижности отдельных вариантов произношения); д) анализ документальных источников, прежде всего, устных (аудио- и видеофрагменты радио- и телерадиосвязи с интересующими исследователя образцами речи). Собственно, все упомянутые приемы служат вспомогательными средствами для проведения эксперимента и подчинены его цели.

Вторая группа методов включает аудитивный, электроакустический, корреляционного анализа (соотнесение социальных величин в качестве независимых переменных с языковыми в качестве полностью или частично зависимых) и математической статистики (с составлением таблиц и графиков). В процессе математико-статистической обработки данных, полученных аудитором и подвергнутых корреляционному анализу, выявляется зависимость (ее числовое выражение) между использованием языка и характеристиками его носителей (напр., социальным и территориальным происхождением, образованием, возрастом говорящего).

Ценность аудитивного метода для исследований на сегментном уровне (в немецкой научной литературе в этой связи существует термин «ohrenphonetische Differenzierung» – слуховая фонетическая дифференциация